КН 66
Дзержинский
Т 67
Три последние речи
М-1926-Л

А
кр 44

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

Н. УН-ТА НАЦ. МЕН. ЗАП. ІМ. Ю. МАРХЛЕВСЬКОГО
ЛЬВІВ ★ БИБЛІОТЕКА ★ СОЮЗ
338
9-43

ТРИ ПОСЛЕДНИЕ РЕЧИ

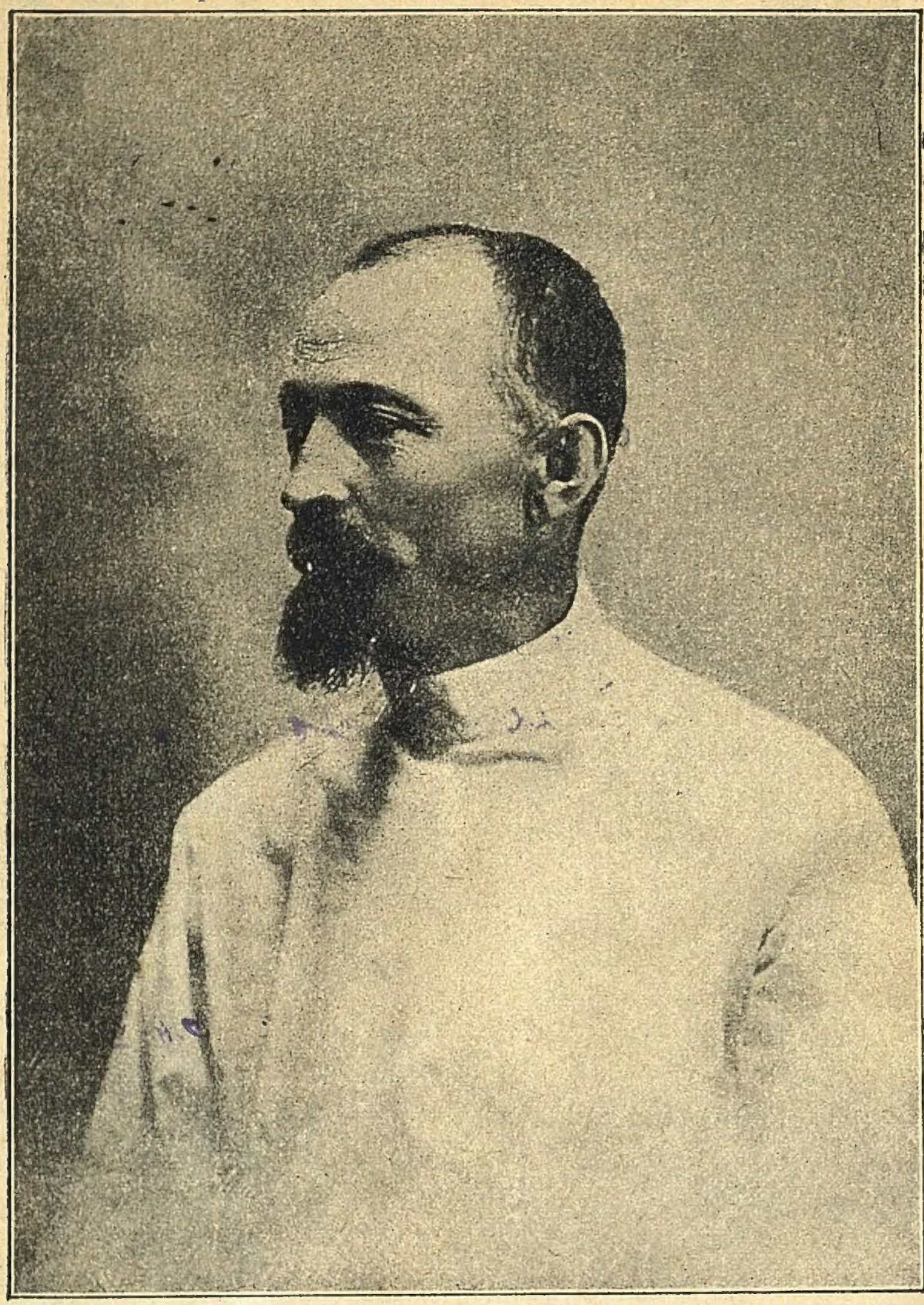
КН66
Дзержинский
Т-67

С предисловием В. М. МОЛОТОВА

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

48694



Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

А
ПРОВ.
КН66
Дзержинский
Т-67

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

НОМЕН. ГОС. ИНСТ. НАЦ. МЕН. ЭКЗ. им. Ю. КАРАЛЕВА
338.
Д-43.
БИБЛИОТЕКА

ТРИ ПОСЛЕДНИЕ РЕЧИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
БИБЛИОТЕКА
66854
102/5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

768477 V
М

Главлит № 64365. Гиз № 17474. Тираж 15.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ И ЕГО ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ

„А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем. Я не щажу себя, тов. Каменев, никогда. (Голоса с мест: Правильно!) И поэтому вы все здесь меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...“

(Из последней речи Ф. Дзержинского на пленуме ЦК и ЦКК, 20 июля).

В этих словах Ф. Дзержинский сам,—и притом именно по-своему: просто, прямо, сильно, кровью страстного сердца,—дал себе замечательную и, действительно, правдивую характеристику. Больше того. Здесь сказано так же верно и о том, как партия относилась к этому замечательному партийцу, к этому славному представителю коммунизма.

Не только приведенный отрывок речи,—вся последняя речь Ф. Дзержинского, как это было у него обычно во всем,—один из лучших образчиков партийности, действительно коммунистического отношения к себе, к своим обязанностям, ко всей работе и борьбе за коммунизм. Нет нужды в данной связи останавливаться на отдельных моментах этой речи, на отдельных вопросах и личных характеристиках,—это заслуживает своего особого внимания. Сейчас мне хочется подчеркнуть лишь общий смысл и характер предсмертной речи Феликса Дзержинского. Это необходимо потому, что в ней так

ярко и сильно отразились чувства и мысли одного из лучших наших партийцев, этого подлинного коммуниста, когда надо—революционера-разрушителя, а затем полного творческих замыслов коммунара-строителя.

В чем сущность последней речи, этого завещания Ф. Дзержинского?

Речь наполнена животрепещущими темами дня, из каждой мысли ее вырывается огонь страстных призывов к борьбе с трудностями и недочетами, и, вместе с тем, она дышит заражающей уверенностью в победе пролетариата.

Ф. Дзержинский суров и беспощаден, когда говорит о недочетах нашей строительной работы. Ему хорошо известны болячки и язвы хозяйственной жизни. Он не может не нападать на недостатки торгового аппарата и кооперации, на их слабости в борьбе с частником, в борьбе за снижение розничных цен, за снижение накладных расходов при заготовках. Дзержинский прямо бичует недочеты и пороки системы управления, ее бюрократизм и душащую дело волокиту. Практические нужды хозяйственной работы, необходимость дачи быстрых и ясных государственных директив по всей хозяйственной линии заставляли в последнее время особенно сосредоточивать его внимание именно на борьбе с недочетами системы управления.

Но Дзержинский с той же безспощадностью, смелостью и прямотой говорит о недостатках непосредственно в своей работе. Он подчеркивает, решительнее даже, чем другие, ошибки, промахи и неудачи в той области, в строительстве промышленности, где он являлся руководителем. Он и здесь не ждет напоминаний об ответственности перед партией и пролетарским государством за порученное ему дело и, в частности, за промахи и недостатки в нем. Он говорит об этом первый, он весь поглощен заботой об их преодолении,

он горит в работе по их исправлению и, добившись успеха в одном месте, берет на себя еще более трудную и сложную задачу в другом.

Таков Ф. Дзержинский был в жизни, таков он и в своей последней речи.

Но все это только одна половина или какая-то, хотя и важнейшая, часть его. «Весь» Дзержинский в том, что эту «бешеную», «сумасшедшую» страсть к борьбе с недочетами нашего строительства он соединял с исключительной партийностью во всей своей общественной работе. «Весь» Дзержинский сказывался тогда, когда его страстную ненависть пролетарского революционера, ненависть к остаткам прошлого, отягощающим недочеты, и слабостям нашего никогда еще и нигде в мире не испытанного строительства кто-нибудь пытался использовать с «недоброкачественной» политической целью, с целью противопоставления линии Дзержинского политике партии. В таких случаях Дзержинский с той же исключительной страстностью, прямотой и решительностью давал отпор «недоброкачественным» попыткам оппозиционной политики. Так, попытки на почве якобы «защиты интересов промышленности» сделать Дзержинского другом оппозиции, так называемых «сверх-индустриалистов» (а лучше сказать — горе-индустриалистов!), всегда плачевно кончались жалким крахом.

Как неутомимый и не умевший отдыхать работник, весь погруженный в практическое дело, но, вместе с тем, исключительно одаренный пониманием основного курса партии и чуткостью к настроениям рабочих масс,—Ф. Дзержинский как-то просто и естественно отбрасывал от себя подобные потуги оппозиции. И всегда это кончалось тем, что сам Дзержинский сокрушительно обрушивался на головы оппозиции против ее попыток дезорганизовать деловую работу.

Его предсмертная речь была особенно ярким выраже-

нием этого настроения. В ней в полной мере сказывается, насколько чужд был Дзержинский всякому хныканию, всякому «крикливому пессимизму», всякой панике перед трудностями. Напротив, он — как в этой речи, так и во всей повседневной работе — подлинный энтузиаст победы пролетарской революции и живое воплощение пафоса социалистического строительства.

И как настоящий коммунист, настоящий партиец, из факта многочисленных трудностей в объективной обстановке и недочетов самой нашей работы он приходит не к унылому, разлагающему мысль и волю, скептицизму, а к увеличению требований и запросов, прежде всего, к самому себе, к своей работе, ко всей работе государственных и других органов, под углом оценки ее результатов с точки зрения поставленных партией задач. Дзержинский бичует слабости и промахи практической работы, он не щадит тут никого, и в том числе себя, но все это не что иное, как страстный призыв к поднятию качества всей нашей работы, к усилению энергии и воли всего пролетариата в деле преодоления препятствий на пути развития пролетарской революции, к действительному повышению социалистического уровня практического строительства.

Предсмертная речь Ф. Дзержинского—один из таких пламенных призывов еще больше объединить усилия партии в творческой работе развертывающегося строительства социализма. Для всех коммунаров, как и для всех рабочих, эта речь — прекрасная частица того Ф. Дзержинского, которого они так горячо любили за его исключительную самоотверженность в революционной работе, за его героизм пролетарского борца, за его славную жизнь—пример одного из лучших партийцев-коммунаров.

В. Молотов.

Кавказ 8 августа.

ТРУД И ЗАРПЛАТА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ТРУД И ЗАРПЛАТА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Речь на I всесоюзном с'езде отделов экономии труда и ТНБ 7 июля 1926 года

Товарищи, я хотел поделиться с вами некоторыми мыслями, которые могут быть вам полезны в вашей работе. Сейчас, как вам известно, мы переживаем один из самых трудных и самых ответственных этапов развития всего нашего советского народного хозяйства. Трудности эти являются, безусловно, трудностями роста, а не упадка, ибо, как вам известно, процесс развития нашего хозяйства шел столь быстрыми шагами, что о таком темпе развития не мечтали даже самые пылкие из наших советских работников. То, на что по плану предполагалось потратить, скажем, не десятки лет, а десять лет, этого мы достигли в течение 4—5 лет, и вот именно этот бурный рост, этот бурный темп развития и создает все те трудности, в полосу которых мы вступили.

В самом деле, мы исчерпали основной капитал, который достался нам от буржуазии, он в значительной степени изношен, его необходимо переоборудовать, а вместе с тем, достигши почти предельного уровня при имеющемся основном капитале, мы испытываем величайший и громаднейший товарный голод. Вместе с тем у нас исчерпался запас квалифицированной рабсилы и

технического персонала, и мы сейчас стоим вплотную перед необходимостью их воссоздания. Вы знаете, что наша крупная государственная промышленность, не считая мелкой, в течение одного года привлекла более 400 тысяч новых рабочих, которые раньше не были в процессе производства. При капиталистическом строе теоретики капитализма говорили о трудностях, связанных с этим привлечением новых рабочих, ибо рабсилу, взятую из деревни для того, чтобы ее квалифицировать, для того, чтобы ее переварить в фабричном котле, нужно было много обрабатывать. Конечно, в наших условиях это должно произойти гораздо быстрее, но для того, чтобы этим новым рабочим избавиться от психологии частного собственника, частного хозяйчика, мелкого собственника, для того, чтобы перейти к психологии сплоченного в одно целое рабочего класса и пролетариата, сознающего свои классовые задачи, для этого необходимы величайшие, колоссальнейшие, усилия. А пока мы вместе с этим ростом рабочей силы видим, что в производительности труда мы не достигли даже довоенного уровня. Точно так же в смысле зарплаты, если не говорить о тех отраслях, рабочие которых эксплоатировались неслыханным образом и зарплата которых в настоящее время выше довоенной, но если взять отрасль тяжелой индустрии, то видим, что там при этом росте не удалось достигнуть зарплаты даже довоенной. Я говорю о металлической промышленности и о горной промышленности. Перед нами, таким образом, при нашем колоссальнейшем росте встает целый ряд труднейших и важнейших задач, иногда в своем разрешении кажущихся противоречивыми, одновременное разрешение которых кажется невозможным. Отсюда и эти трудности и эти элементы кризиса, которые мы преодолеваем: вот хотя бы сейчас, мы вступили в полосу несвоевременной выплаты зарплаты.

Какие же задачи стоят перед нами? Как к ним надо подойти? Как поставить вопрос для того, чтобы все эти задачи решить, а мы их должны решить и решим, ибо, если рабочий класс и его организации не разрешат их, если этих задач не решит государственная промышленность, то это будет означать, что рабочий класс не разрешил проблему своей власти, он не разрешил задачу, как руководить и вести государство по социалистическому пути, не выполнил возложенной на него историей задачи. Поэтому необходимо все эти трудности ставить во всем объеме, и каждый работник промышленности, особенно работник, который имеет дело с организацией труда, никогда не должен забывать ни одну из трудностей и должен совершенно открытыми глазами смотреть на явления и трудности в их обнаженном виде. Мы знаем, что у нас есть товарищи, не скажу, чтобы много, но есть некоторые, ударяющиеся в панику, которые теряются при этих трудностях, несмотря на имеющийся у нас рост, теряют равновесие, и когда эти вопросы встают перед ними, и надо давать ответ, за чей же счет производить преодоление всех этих трудностей,—становятся втупик. Основная трудность, основное противоречие заключается в том, что без переоборудования нашей промышленности мы не можем поднять в достаточной степени производительность труда. Не поднимая в достаточной степени производительности труда, мы никоим образом не можем поднять зарплату, ибо для каждого ясно, что рабочий не может получать больше, чем он дает. Здесь-то вот и встает вопрос: за чей счет производить нашу индустриализацию, переоборудование нашей промышленности? Может быть, многие из вас читали книжку Преображенского и выступления ряда других товарищей, которые где намекали скрыто, а где и прямо дают такой ответ: индустриализировать страну, переоборудовать

промышленность надо за счет крестьянства. Можем ли мы в советском государстве, можем ли мы действительно дать такой ответ: за счет крестьянства? Конечно, с таким ответом мы согласиться не можем. Не можем не только теоретически, не только идеологически, потому что это совершенно неправильная постановка вопроса, но мы фактически не в состоянии дать такой ответ. Идеологически неправильна такая постановка потому, что наш строй, это—строй прежде всего диктатуры пролетариата, союза рабочих и крестьян, и этот союз рабочих и крестьян является материальной базой существования нашего государства.

Если вы скажете, что диктатура рабочего класса—за счет крестьян, то теряется та связь и основа, на которой рабочий класс провел Октябрьскую революцию, и будет разрушена та материальная база, на которой существует и в настоящее время наш строй.

Вы помните, что в 1923 году, когда наша промышленность забывала увязку и связь с крестьянством, когда промышленность поставила вопрос о своем промышленном накоплении для восстановления износившегося оборудования за счет высокого повышения цен,—в ответ на это получится кризис сбыта. Таким образом совершенно автоматически вместо того, чтобы достигнуть той цели, которую промышленность себе поставила, она достигла прямо противоположного результата, т.-е. стали наполняться склады, изделия рабочего класса не стали реализоваться, и налицо оказался кризис сбыта, из которого мы, правда, скоро вышли, понизив цены и восстановив ту основу, на которой зиждется наш строй.

Затем, не надо забывать, что крестьянство несет величайшие тяготы точно так же, как рабочий класс, по издержкам революции, гражданской войны, издержкам ниспровержения буржуазии, издержкам по борьбе за свою свободу. Если взять довоенное соотношение цен

между изделиями сельского хозяйства, продуктами сельского хозяйства и ценами на промышленные изделия государственной промышленности, по которым их получает деревня, то вы увидите, что это соотношение не в пользу крестьянства. Коэффициент ножниц, если взять продажные цены, по которым крестьяне продают свою продукцию, и те цены, которые они платят за наши изделия, то коэффициент этот очень часто для крестьянина будет по отдельным товарам не меньше трех.

Таким образом говорить о переоборудовании промышленности за счет крестьянства нельзя, ибо и то соотношение, которое имеется сейчас, слишком тяжело для крестьянства. Некоторые говорят, что эту индустриализацию необходимо произвести за счет кулачья, за счет буржуазии, но это есть в нашем строе несколько меньшевистский уклон, ибо заграничные социал-демократы и наши меньшевики не мыслят иного строя, как строя при господстве буржуазии и кулачья. Поэтому при капиталистическом строе социал-демократические партии требуют, чтобы за счет буржуазии и ее прибылей, за счет кулачья попадало кое-что и рабочим. Ясно, что доходы буржуазии и кулачья есть доходы от эксплоатации рабочего класса и крестьянства. Наш строй не зиждется на этом. Если мы допустили некоторую третью силу, то Владимир Ильич давно сказал, чтобы мы отступление свое приостановили, и мы совершенно не думаем буржуазии и кулачью давать развиваться и за счет их развития перестраивать наше народное хозяйство.

Сейчас перед нами стоит задача не плодить буржуазию и кулачье, а наоборот, наша задача заключается в том, чтобы уменьшить их накопление и поставить его в возможно более узкие рамки. Это—задача нашего советского строя. Мы должны конкретно и ясно

сказать, что все те задачи, которые возникают перед рабочим классом и советской властью, могут быть разрешены только путем труда, путем организации труда, путем применения в наших условиях, при нашей власти той высокой техники, которая достигнута в капиталистических странах и которая, будучи применена в наших условиях, даст нам колоссальнейшие и громаднейшие средства, ибо эта новая техника, новое оборудование и новые фабрики дадут возможность нашему труду давать результаты в десятки раз большие, чем этот труд дает сейчас.

Вот где источник нашего накопления, вот где источник тех средств и сил, при помощи которых мы можем разрешить те задачи и те трудности, которые возникают сейчас перед нами. И вот, если так поставить вопрос, то ответственность ваша, как представителей работников и отделов труда и технического нормирования этого самого труда, вырисовывается во всей ее трудности и во всей ее ответственности, во всей ее сложности.

Собравшись здесь, вы обсуждали те болячки и те недочеты, которые на местах, на фабриках и заводах, имеют место.

Этих недостатков, болячек чрезвычайно много.

Действительно, поскольку прогулы увеличиваются, поскольку подрывается основа существования рабочего класса и уменьшается продукция, постольку все больший и больший процент потребляется без соответствующего эквивалента в смысле производства. Недочеты в смысле снабжения, в смысле технического оборудования приводят целый ряд заводов и станков к простою. Мы знаем, что целый ряд недочетов имеется на фабриках и заводах в нашем производстве оттого, что недостаточно проведены в жизнь те директивы партийные и советские, которые устанавливают место в производстве техническому персоналу.

Это есть тоже один из вопросов, от которого зависят производительность, организация труда и результаты труда. Вместе с тем вы констатировали, что по тем или другим причинам имеется на фабриках и заводах ряд лишних рабочих. Вот над этим вопросом я хотел бы немного остановиться. Некоторые к этому вопросу относятся боязливо, относятся так, что не выявляют всей болезненности этого явления, не ставят его во всем объеме перед соответствующими органами. Наличие на фабриках и заводах при данной организации труда ненужных для производства лишних рабочих является преступлением перед рабочим классом, ибо каждый лишний рабочий на фабрике и заводе мешает другим. Это вам совершенно ясно.

Лишние рабочие дезорганизуют дисциплину и производство, они пожирают средства, которые данный завод имеет в ограниченном количестве, и не дают возможности заводу стать на ноги, переоборудоваться, улучшить организацию производства, и таким образом уменьшают темп развития данной фабрики, данного завода. Сокращение же темпа развития данной фабрики, данного завода означает, что если мы сегодня имеем лишних 100 рабочих,—это значит, что мы отдаляем то время, когда мы сможем расширить производство, взяв, может быть, 100—200, а может быть, 300 новых рабочих. Нас безработица мучает и мучает очень серьезно, но никоим образом нельзя вести борьбу с безработицей путем предоставления рабочему на заводе места, где для него работы нет. В этом отношении для производства и всего народного хозяйства гораздо выгоднее выплачивать безработным из особых фондов для безработных, из фондов по социальному страхованию. Выгоднее было бы сократить рабочий день для того, чтобы привлечь большее количество работающих, если это

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Экономическая библиотека Краснодар. Профсоюзы

нужно, чем держать лишний штат рабочих, не загружая их полностью работой.

Я уже указал, что трудовая дисциплина на предприятиях расшаталась, что это не настоящая пролетарская, не трудовая дисциплина,—а стала она такой благодаря тому, что на наши фабрики и заводы пришлось привлечь сотни тысяч новых рабочих,—и поэтому задача наших хозяйственников и отделов труда в этом отношении совместно с профессиональными союзами находить мероприятия для того, чтобы эти вновь привлеченные массы получили соответствующее, достаточное и нужное воспитание, чтобы они сроднились, органически спаялись и связались с фабрикой, которая является основной базой всего благосостояния рабочих и крестьян СССР.

Но ваши отделы, организуя труд, нормируя его, именно с этой точки зрения не должны забывать и о том, что успешная работа в этой области возможна лишь в том случае, если ваши собственные аппараты, если аппараты заводоуправления, если аппараты треста, если аппараты Высшего Совета Народного Хозяйства работают четко и правильно, если производительность труда именно в этих управленческих органах стоит на высоте задачи. Не надо забывать, что в нашей борьбе за трудовую дисциплину, в этой борьбе за перевоспитание вновь привлекаемых сил, нам могут нередко, как это до сих пор и бывало, сказать: «врачу, исцелися сам», — а какова ваша производительность труда? Когда мы говорим о производительности труда рабочего, мы измеряем эту производительность труда тем количеством продукции, которое он нам дал, а производительность труда в управленческих органах сможем ли мы измерить тем количеством продукции, которое мы даем в нашей работе? Если в металлургии мы указываем, что столько-то и столько-то удалось вы-

плавить чугуна на такое-то и такое-то количество рабочих, в такой-то и такой-то срок, при таких-то и таких-то издержках, то мы получаем все элементы для определения производительности труда. Если же мы скажем, что данный трест прислал в другой орган 25 пуд. бумаги,—этим ли нужно измерять его производительность? Где же и в чем нам нужно искать продуктивность и производительность труда управленческого аппарата? Я должен сказать, что у нас еще этого измерителя нет, ибо наши измерители определяются именно пудами, фунтами или, может быть, длиной наших ведомостей и нашей неслыханной страшной волокитой. Если производительность труда измерять издержками энергии, то у нас в бюрократических органах управления и канцеляриях энергии тратится очень много, но толку, я должен это прямо сказать, толку безобразно мало.

Наша система и наша практика управления являются одной из важнейших помех, препятствующих поднятию производительности труда в тех органах, которые создают материальные ценности. Отделы труда, безусловно, должны этим вопросом, вопросом управленческих аппаратов, вопросом волокиты, вопросом сокращения бумагомарания, бумажного потока, в котором мы тонем, серьезно заняться. Мне вчера показывал председатель Резинотреста нарисованную картинку, как бумажка, присланная в Резинотрест из саратовского отделения с запросом, какие цены на такие-то и такие-то изделия,—как эта бумажка, маленькая бумажка, которая, будучи послана на фабрику, где производятся эти изделия, получила бы ответ моментально, как эта бумажка в правлении Резинотреста проходила через 32 руки для того, чтобы по почте был послан ответ, что такие-то изделия стоят по калькуляции столько-то и столько-то. Председатель треста мне указывал,

что, когда в аппарате было на это обращено внимание, то выяснилось, что достаточно только 5 рук, чтобы эта бумажка получила ответ, когда она придет в правление Резинотреста, считая курьера и экспедицию, хотя я думаю, что и этого много. Всего 5 человек. До сих пор над этой бумажкой работало 32 чел., при чем по этой бумажке в аппарате в 2 местах заводились дела. Этот пример характеризует всю нашу систему.

Это вопрос не только Резинотреста. Возьмите какое-нибудь учреждение и ваши отделы труда в трестах и ТНБ. Если вы покопаетесь в своей практике, вы увидите, что, когда вам надо кого-нибудь спросить, с кем-нибудь сговориться, вы пишете бумажку, и вот она пошла и пошла гулять, вместо того, чтобы целый ряд вопросов разрешать непосредственно, путем непосредственного сношения, путем личных переговоров, путем телефона. Такой неслыханный бюрократизм имеется всюду и везде и, в первую очередь, у нас в ВСНХ. Я скоро думаю созвать наших ответственных работников ВСНХ и с ними переговорить на эту тему. И в самом деле, как у нас поставлена работа в ВСНХ? Примерно, меня интересует вопрос о розничных ценах на текстиль,—какие меры там приняты для того, чтобы цены снизить? Я передаю этот вопрос члену президиума, ведающему этим делом, член президиума передает начальнику отдела, начальник отдела передает своему помощнику, его помощник передает начальнику подотдела. У начальника подотдела есть подчиненная ему часть, он передает начальнику подотдела. У начальника подотдела есть подчиненная ему часть, он передает в часть. Не забудьте, что почти у каждого из названных имеются еще секретари. Наконец, приходит дело к тому, кто должен дать ответ, кто должен над этим поработать. Очень часто бывает и так,

что он совершенно не знает этого вопроса, и поэтому он давай писать бумажку: как же—председатель ВСНХ требует срочно, экстренно. И вот он обращается в Текстильный синдикат, к тов. Килевицу. Килевиц, конечно, этим заниматься не может, он передает следующему. Это может произойти в течение дня, если боятся Дзержинского, а если это не Дзержинский,—будет итти целую неделю, целый месяц, тогда как, скажем, если бы я, вместо того, чтобы итти по инстанциям и по чинопочитанию, раз меня интересуют камвольные изделия, взял телефон и, зная, что такой-то занимается этим, протелефонировал бы ему, получил бы ответ, то вся эта переписка отпала бы совершенно. Поэтому безусловно надо сверху донизу так перестроить работу, чтобы уничтожить излишние бюрократические звенья, возложив больше ответственности на непосредственно выполняющих.

Или возьмите доклады, которые мною формально подписываются, казалось бы, не может быть на свете более умного и всезнающего человека, чем Дзержинский. Он пишет доклады о спичках, о золоте, о недрах, он пишет абсолютно обо всем, нет такого вопроса функционального или материального, по которому бы Дзержинский не писал, и доклада, под которым бы не подписывался. А это ведь и есть выражение нашей бюрократической, никуда негодной системы, ибо тот, кто фактически работает, кто прорабатывает вопрос, его не видно нигде, он скрыт. И поэтому нам надо внимательно подойти к нашему аппарату, чтобы он работал четко и ясно, чтобы была полная ответственность всех. Если, скажем, в каком-нибудь отделе ведают вопросами розницы или вопросами более частными, и какой-нибудь работник сидит и имеет в голове своей все сведения и прорабатывает и пишет доклады,—он эти доклады должен подписывать, и его подпись должна быть во всех инстан-

циях, куда бы эта бумажка ни шла. Конечно, данный работник не может сноситься с СТО и Совнаркомом, и не может низший орган непосредственно сноситься с председателем ВСНХ, но тот начальник, который за него отвечает, он должен подписаться формально, так как он формально отвечает, так как тот работает под его руководством. В отделе экономики труда, например, много работников, вы пишете мне много докладов, а я не знаю, кто пишет, так как все подписаны Кравалем или Рабиновичем. Если мне, скажем, нужно по текстилю или по металлу что-либо узнать, мне приходится вызывать Краваля или Рабиновича, а они вызывают третьего, а тот, может быть, четвертого. Вот эти методы нашего управления и создают неслыханную волокиту, создают то, что мы не можем угнаться за жизнью, мы теряем темп и в то же время при нашей системе, если вопрос возникает на заводе, и если вопрос должен пройти при централизации во всех инстанциях, и нужно согласовать с комиссиями и пойти в Госплан, а там есть подкомиссии и комиссии, и неизвестно, с кем имеешь дело, не с людьми, которые ответственны, а с учреждением, то понятно, как нам тяжело решать все эти конкретные задачи, которые связаны с производительностью труда, благодаря нашим аппаратам и штатам. Поэтому наши аппараты растут неслыханно.

В стране пролетарской никоим образом нельзя терпеть, чтобы труд непроизводительный, т.-е. такой, который не создает ценности, настолько развивался. Ведь благодаря этому мы имеем в нашей торговле такие неслыханные большие наценки и накидки, столь обостренный товарный голод, и зря тратим средства вместо того, чтобы их направить на восстановление индустрии. А недостаток предметов широкого потребления и является результатом слишком раздутых аппаратов наших органов

управления, что создает и углубляет наши трудности. Поэтому вы, товарищи, работая в трестах, работая на заводах по вопросам труда, прежде всего должны обратить внимание на аппараты ваших управлений, чтобы не было лишних штатов, чтобы была точная, четкая у каждого работника ответственность за его работу, чтобы он был работником не только в своем аппарате известным, но чтобы он был широко известен всем тем, которые имеют с вами дело. Вы должны будете переписку всемерно заменять личными связями: работники треста должны быть связаны с заводами, работники трестов с ВСНХ.

Я должен еще одно указать. Надо нам остерегаться больших докладов, надо нам изжить тот укрепившийся в нашу практику обычай, что если кому-нибудь потребуется какой-нибудь доклад, ему пишут целый том. Если вы идете в высшее учреждение, вы обосновываете и стараетесь доказать правильность вашей точки зрения опять, повторяю, громадными томами. Это совершенно неправильный подход,—таких ваших докладов, таких ваших томов те, кто руководит делом, не могут читать. Когда у нас в аппарате пишется доклад, что нужно столько-то средств, и это идет в СТО, вы думаете, что хоть один член СТО имеет время и возможность это прочитать? Ни в каком случае, никогда этого не бывает. Поэтому нам надо от этой системы больших докладов отказаться. Надо писать кратко, по-штабному, по-военному: ввиду того-то и того-то, ввиду таких-то мотивов, прошу то-то и то-то, и затем подпись—имя рек. Если ко мне пришло такое предложение, четкое и конкретное, я могу его прочитать. Если я им заинтересуюсь то вместо того, чтобы сидеть по ночам и читать эти доклады, в которых девять десятых лишнего, я могу лучше вызвать к себе заинтересованное лицо и попросить его рассказать. Тогда этот товарищ берет на себя

ответственность за дело. Нам надо отказаться от этой колоссальной работы, от больших докладов, отчетов и т. д.

Вместе с тем, товарищи, я хотел указать, что ваши отделы, отделы труда не смогут выполнить тех великих задач, тех трудных задач, которые стоят перед нами в области нормирования заработной платы, в области организации труда, если между вами, если между заводоуправлениями, если между нашими хозяйственниками и теми рабочими, которые непосредственно работают и выполняют эти работы, не будет необходимой, достаточно прочной, крепкой связи. В этом именно и есть назначение производственных совещаний. До тех пор, пока перед нами не было таких больших трудностей, пока основной капитал не был исчерпан, пока наша работа заключалась в том, что мы переходили от станка к станку, загружали цехи при тех станках, которые у нас были, и нам удавалось благодаря этому увеличивать производительность труда и расширять производство, и таким образом создавать базу для дальнейшего накопления, для дальнейшего переоборудования и расширения и для роста зарплаты,—мы могли кое-как обходиться без инициативы широких рабочих масс. Теперь же, при том положении, в котором мы находимся, без доброй воли, без решительной воли рабочего класса, тех рабочих, которые работают на фабрике, мы не сможем разрешить задач, которые ставим перед собою. Поэтому, когда вы приходите сюда и называете цифры прогулов и всяких других непорядков и неладов, если вы думаете, что мы можем из центра, путем приказов, все разрешить, то вы жестоко ошибаетесь. Вы стоите на известном посту, на известном фронте организации труда, и эту задачу организации труда можно выполнить, если вы расхлябанности, некультурности и недисциплинированности сможете противопоставить волю и доверие

рабочих, а это нетрудно в нашем рабочем государстве. Вы можете от самих рабочих иметь необходимую инициативу, как улучшить дело при тех средствах и при том оборудовании, которые имеются. Только тогда вы сможете провести те мероприятия, которые мы намечаем, которые целесообразны и которые необходимо принять. Многое могут выявить производственные совещания, потому что рабочие там могут сказать о всех недочетах, которые они видят, и они нередко вносят дельные предложения, оздоровляющие работу. А если они вносят предложения нецелесообразные, тогда это означает, что именно здесь надо объяснить этим рабочим, почему они неправы. Если рабочие, которые работают на фабрике, неправильно относятся к производству, а у нас есть разные элементы,—то надо нашим хозяйственникам, руководителям, особенно отделам труда, учитывать настроение рабочих, учитывать их взгляды и их мысли, которые надо направлять в ту или другую сторону.

В заключение, товарищи, я должен сказать, что мы со своей стороны должны приложить все силы и все старания к тому, чтобы производственные совещания всемерно развивались, чтобы наши хозяйственники и все вы принимали в них самое деятельное участие. Только при этих условиях все те трудности, которые стоят перед нами, могут быть преодолены. (Бурные аплодисменты.)

НА БОРЬБУ С БОЛЕЗНЯМИ УПРАВЛЕНЧЕНСКОГО АППАРАТА

НА БОРЬБУ С БОЛЕЗНЯМИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО АППАРАТА

Речь на совещании ответственных работников ВСНХ 9/VII 1926 г.

Темп развития и аппарат

Я созвал настоящее совещание для того, чтобы мы все вместе, ответственные работники ВСНХ, посовещались и всерьез обсудили, что нужно делать для того, чтобы двинуть более быстрыми шагами дело улучшения нашего аппарата, аппарата промышленности. Это тем более важно, что именно промышленность является той основной базой, на которую опирается развитие всех остальных отраслей и всей мощи государства. Вместе с тем, она является тем самым узким местом, которое определяет силы государства, мощь его и которое определяет те трудности, которые мы сейчас переживаем.

Для того чтобы аппарат наш работал бесперебойно и правильно, для этого, в первую очередь, необходимо осознание тех задач и той линии, которую этот аппарат и наши органы промышленности должны вести. Мы имеем основную линию наших задач и нашей работы, которая сформулирована съездом, как генеральная линия. Это—линия на индустриализацию страны.

В вопросе преодоления товарного голода, т.-е. увеличения продукции государственной промышленности,

в вопросе качества, в вопросах нашей политики цен наша линия всегда оставалась и остается неизменной, и нашими работниками достаточно осознана правильность этой политики цен. Мы эту кампанию провели в отношении отпускных цен, сейчас мы принимаем зависящие меры для снижения розничных цен и ищем по этому пути разрешения целого узла самых сложных вопросов и взаимоотношений различных элементов.

Далее совершенно осознан вопрос значения плановости нашего народного хозяйства, представляющего одно целое. Мы не можем поэтому вести и не должны вести ведомственной линии, изолированной линии промышленности от остального хозяйства. Наша линия должна итти по твердой намеченной линии планового хозяйства, как единого народного хозяйства нашего Союза.

Затем, нет двух мнений относительно значения проблемы специалистов и вопроса, какую роль в нашей системе управления должно играть знание дела. То же и относительно вопросов производительности труда и изыскания всяких мероприятий для того, чтобы эту производительность труда поднять и чтобы материальная база создателей этих ценностей, т.-е. рабочих, могла расти.

Нами уже понята и осознана необходимость равняться в нашем хозяйстве не по довоенным индексам, не по индексам довосстановительного момента, а равняться по мировым индексам. Вместе с тем перед нами совершенно ясно и определенно стоит задача в отношении частного капитала и в смысле необходимости такой постановки и такого разрешения этого вопроса, чтобы частный капитал не мешал развитию государственной промышленности и всего национализированного народного

хозяйства, а, наоборот, чтобы он был вовлечен в той мере, в какой это необходимо.

Все эти задачи весьма трудны и для своего разрешения ставят другую основную задачу,—задачу изъискания в нашей экономике, в нашей хозяйственной системе необходимых средств. Как фокус всей проблемы и явился тот лозунг, который вышел из наших недр—лозунг величайшего режима экономии.

В тех условиях, в которых нам придется разрешать,—а нам придется разрешать в условиях известной конкуренции как с частным капиталом, так и с внешними враждебными нам силами,—ясно, что мы не должны и не можем потерять темпа. И в самом деле, если говорить относительно частного капитала, то, хотя он в абсолютных цифрах и относительно по сравнению с государственными средствами, с государственным хозяйством и его размерами составляет незначительную величину, однако он может представлять реальные опасности, и нужна огромная работа в этой области.

Мне вчера рассказывал тов. Кузнецов из своего изучения Украины, что там 30 коп. частного капитала производят такую же работу, как наш рубль или 1 руб. 20 коп. Частный капитал оборачивается в 3—4 раза быстрее и таким образом он, имея в 3—4 раза меньше средств, может произвести ту же самую работу, что и мы, имеющие большие средства. Это показывает, что наш аппарат, наше умение управлять капиталами, наше умение оборачиваться очень недостаточно, и что поэтому вопрос темпа играет для нас колоссальнейшую роль.

Ни для кого не тайна, что, в связи с забастовкой английских горняков мы безусловно являемся тем объектом, на которое обращено враждебное внимание капиталистических хищников. Мы знаем, что всяческие

перевороты, как будто бутафорские, которые в соседних странах происходили, что они совершаются не без участия тех сил, которые направлены против Советского Союза.

Поэтому вопрос темпа играет колоссальную роль.

Организационный фетишизм

Условия нашей внутренней и внешней ситуации требуют от нас довести работу нашего аппарата до максимальной четкости, до максимально быстрого темпа. Необходима полная четкость и ясность в ответственности, необходимо знание аппарата. Наши средства и энергия наших аппаратов не должны растрачиваться бесплановo, ибо затем не хватило бы средств для основных задач индустриализации, рационализации, поднятия производительности труда и т. д.

Мне недавно говорили, что в одном из крупнейших трестов на содержание аппарата тратится до 40 проц. по сравнению с тем, что платится рабочим. Этот расход показывает, что эта организация никуда не годится, раз она производит расход в таком размере на свое содержание. Мы должны со всей резкостью, со всей смелостью революционеров подойти к вскрытию всех тех недочетов, которые имеются в наших аппаратах,— как в нашем аппарате Высшего Совета Народного Хозяйства в центре, так и местных органов—у трестов, на заводах и т. д., для того, чтобы, оголивши, выявивши эти отрицательные стороны, легче было бы их сбросить.

Мы страдаем организационным фетишизмом. Нам кажется, что для того чтобы организовать какое-нибудь дело, для того чтобы построить что-нибудь, достаточно взять бумагу, сесть в свой кабинет и написать: «принять энергичные меры», «изыскать средства» и все прочее и т. д. и т. д. Это нам кажется достаточным.

Нам кажется достаточным взять карандаш и начертить генеологическое дерево с развернутыми кружками. Поставить там кружок, тут кружок, один кружок этим ведает, другой кружок другим ведает, третий—третьим и т. д.; и вот, нарисовав картину, организовали. При этом организационном фетишизме, при этом бюрократизме стираются живые люди, между тем как работу руководства и управления нельзя механизировать. Это работа мозговая, индивидуальная, хотя, вместе с тем, она глубоко коллективна, глубоко общественна. Не учреждения работают, а люди работают в учреждениях. Центр тяжести должен заключаться в ответственности работающих, в противопоставлении организационному фетишизму живых людей, ответственных людей.

В самом деле, как у нас протекает работа? Я начну с себя. Благодаря тому, что отвечают не лица, хорошо знающие то или другое дело, а учреждения, возглавляемые этими лицами, я нахожусь в таком положении, что должен сидеть в грудах бумаги, и когда ко мне приходят те живые люди, которые создают жизнь, я говорю, что у меня нет времени их принять. Они идут к тому ответственному человеку, который может решить вопрос. Ясно, что все устремление у них—к этому одному, двум, трем лицам, которые стоят во главе. Но осуществить это невозможно, и, благодаря этому, работа делается невозможной.

Сила бумаги

В ВСНХ приходят бумажки с тем или иным требованием, и для того чтобы избежать волокиты, стали посылать много бумаг на мое имя, думая тем самым обойти волокиту. И вот приходит 100—200 бумаг на имя Дзержинского. Разве я могу все просмотреть, да сплошь и рядом я бы не понял их вовсе. Я смогу дать

оценку линии, общую директиву, когда знающие люди в аппарате проработают вопрос. И вот бумага начинает ходить из рук в руки, пишутся резолюции, и она путешествует по инстанциям. Я недавно видел такую картинку. Резинотрест показывал—я об этом говорил на съезде ОЭТ—замечательную картинку. Бумага, которая просит сообщить калькуляционные цены на изделия, должна пройти 32 руки, отложиться в два дела в самом правлении треста. Но это не только в Резинотресте, но и в Высшем Совете Народного Хозяйства то же самое.

Мы скоро направляем отчетный доклад по структуре ВСНХ и самодеятельности. Доклад вот этакой толщины. Спрашивается, какой член СТО может это прочесть? Ни один член СТО прочесть этого абсолютно не в состоянии, а мы этот доклад пишем, отнимаем время у людей, чтобы те, кто решает и руководит, совершенно не читали его.

Наша система управления такова, какой она могла быть и какой она должна была быть 4—5 лет тому назад, когда мы не имели подбора работников, не имели базы, на которую мы могли бы опереться для того, чтобы взять и повести то дело, которое мы вырвали из рук буржуазии. Нужно, чтобы не было такой сложной структуры, как теперь, нужно, чтобы не было той бюрократической системы, когда мы не знаем, что делаем, а знают это другие и бумаги в наших портфелях. Мы докладываем на основании данных, цифр и головокружительных отчетов, которые мы требовали с мест. При этом мы изменяем те цифры, которые мы требуем от трестов, а тресты от заводов, и этим самым делаем дающих эти цифры не ответственными за них. Точно так же поступают и с нами. От нас требуют сведений и в Госплане и в других учреждениях, наши цифры режут и меняют.

Все отчеты доведены до такой степени, что они превратились в свою прямую противоположность, они утеряли всякий смысл, а мы, однако, тратим на них громадное количество времени. Мы загружаем этой отчетностью наши тресты и заводы.

Что надо сделать?

Я думаю, что мы должны заменить систему централизованной ответственности ответственностью всех ответственных работников. Должны быть четкость и ясность, кто за что отвечает, и поэтому, мне кажется, необходимо ввести и у нас в наших органах, если можно так выразиться, приписную ответственность работников. Мы должны ввести личную ответственность, чтобы было известно, кто чем занимается, что изучает и за что отвечает, в какой мере.

Сейчас, когда я получаю из того или другого отдела, или того или другого треста тот или иной доклад или предложение, я не знаю, кто, собственно, отвечает за это. Конечно, председатель треста за все отвечает, но это ответственность бюрократического характера. Он отвечает постольку, поскольку не умеет подобрать людей, создать аппарат и дать линию, но за самую работу должны быть ответственны те товарищи, те работники, которые выполняют данное дело. Поэтому мне кажется, что каждая работа должна быть подписана, а не визирована тем, кто ее сделал, на какой бы стадии иерархической лестницы он ни находился. Если есть работники, которые аккумулируют в своей голове знания, а то, что не могут аккумулировать в голове, держат в книжке в виде цифр и прочих данных, они должны быть всем известны, кто имеет дело с данным вопросом.

Я об этом писал в своем приказе, но он, однако, не приведен в исполнение.

Если мне нужно знать, как обстоит дело с кампанией по снижению розничных цен на соль или другие изделия, я передаю председателю торговой комиссии, он—секретарю, секретарь—в отдел и там идет по инстанции. Я не знаю, кто этим занимается, кто за это отвечает. Можно сказать, что это нарушение иерархии, когда задача идет непосредственно тем работникам, которые внизу. Ничего подобного, иерархия должна быть, но не бессмысленного характера.

Я должен сказать, что бесконечная коллегиальность, комиссии, совещания и т. д. сыграли свою роль, но теперь превратились в помеху.

Конечно, личное общение, присущее коллегиальности, имеет громаднейшее значение, но единоличие, которое мы должны теперь формулировать в противовес коллегиальности, никоим образом не исключает личного общения. Если соответствующий начальник имеет своего помощника, если у них нет уверенности, что они оба одинаково решат, тогда помощник должен докладывать начальнику, как он этот вопрос разрешил. Начальник может его корректировать, может исправлять и т. д. Безусловно, нам необходимо ввести режим личного общения с теми, над кем мы управляем и кому мы поручаем ту или иную работу. Нужно видеть живого человека, чтобы знать что-нибудь по тому или по другому делу. Никакой отчет и доклад не может сказать того, что сам живой человек скажет. Такие же отношения личного общения должны быть у наших трестов с заводами.

Далее я думаю, что нам нужно категорически отказаться от больших докладов. Если нужно научный труд написать, дать анализ, указать проблемы—это другой вопрос. Но доклады по текущему управлению, по вопросам управления и отчетности должны быть краткие. Надо просто написать: ввиду того-то и того-то

прошу то-то и предлагаю то-то и то-то. Тут надо мотивы привести, но не доказывать эти мотивы, а в конце написать, что докладчик по этому вопросу такой-то.

Когда я, например, идя в СТО, буду итти с чистой совестью? Тогда, когда все доклады и предложения прочитал. Если мне понадобится, я могу вызвать докладчика, при чем он не будет много мне говорить, а ответит мне по существу именно то, что я должен знать.

Затем наши предложения должны быть краткими, четкими, реальными и конкретными, а не так, как у нас часто бывает, когда мы хотим решить задачу, а в голове у нас ничего нет, и пишем поэтому что-нибудь вроде: «принять меры» и т. п.

Очень много времени уходит на совещания и комиссии. Должен сказать, что при нашей системе они не всегда неизбежны. Нельзя сказать, что их не должно быть, потому что ряд вопросов требует согласования, но максимально сократить совещания и комиссии безусловно можно, поскольку мы расширяем систему личной ответственности.

Согласование вопросов превращается у нас часто в карикатуру; открываются прения, преют в то время, как наперед можно сказать, какое будет решение. Наконец, сплошь и рядом согласовать вполне возможно простым телефонным разговором.

Конечно, мы быстро устранить тех недочетов, которые имеются, не можем. Мы в очень значительной степени зависим от других,—например, в смысле требования всяких отчетов и данных. Мы должны сопротивляться. Я повторяю, что мы должны сопротивляться там, где это по закону можно, нужно сопротивляться, чтобы нас не дергали туда и сюда, точно так же, как мы не должны дергать других. Мы должны сократить всевозможные увязки, заседания, посылку бесконечных сведений и т. д., и т. д.

Вот, если мы так поставим вопрос во всех ячейках управления сверху донизу, то действительно нам удастся провести режим экономии и нам удастся найти средства для технического возрождения, для индустриализации, для ослабления товарного голода. Только тогда, когда мы действительно в этой области проведем режим экономии, только тогда,—это совершенно очевидно для всех,—поднимется производительность нашего управленческого аппарата и руководственного труда, только тогда мы сможем принять все меры для того, чтобы кампания по производительности труда на фабриках и заводах была поставлена во всем объеме.

Заключительное слово

Понятно, что говоря об ответственности, я не имел в виду судебной ответственности, по которой идут в тюрьму.

Если я подписываю все и вся, то ясно совершенно, я отвечаю, как председатель ВСНХ, как известное лицо. Я, безусловно, отвечаю, когда трест летит вверх тормашками и банкротирует, и когда такой вопрос разбирается в СТО, я сижу и готов сквозь землю провалиться. Но почему Дзержинский должен отвечать, а не коренной работник, который фактически является ответственным?

Ясно, что есть ряд таких товарищей, которых мы не видим, которых бюрократический аппарат заволакивает. Каждый ответственный работник болеет душой. Есть очень доброкачественный материал, и много его, но мы не умеем использовать. Разве вы не замечаете, что те творческие задачи, которые мы ставим, увлекают людей, у людей есть любовь к делу, которым они занимаются и которое ведут. И мы знаем, что инженер-специалист горного дела является энтузиастом своего дела.

По Главметаллу, могу сказать, лично видел людей, которые не знаю как болеют за этот металл.

Ответственность должна заключаться в том, чтобы каждый работник, который имеет в себе силы быть ответственным, который является ответственным, чтобы он был всем известен, чтобы он брал на себя ответственность. Мне говорят здесь относительно самой механики подписей, механики докладов и т. д. Я думаю, что если я возьму товарища, который умеет писать, и ему буду диктовать и высказывать свои мысли, то разве это значит, что он ответственен за этот доклад? Конечно, нет. Но если человек сидит на этом деле, если он спец по этому вопросу, если он знает это дело и у него все необходимые сведения в кармане, и он в любой момент может дать их, то, конечно, такой товарищ является ответственным.

У каждого должна быть амбиция, известное честолюбие, каждый имеет имя и лицо. Ведь на заводе каждый рабочий хочет иметь лучшую квалификацию. А почему у нас в органах управления товарищ только пишет, а там после, куда это идет, кто это читает, ему все равно. Нужно каждую работу соответственным образом квалифицировать.

Мне кажется, что тов. Гуревич перегнул палку, когда говорил о расширении прав, когда говорил, что нужно лицензии выдавать непосредственно трестам. Простите, пожалуйста, при нашем недостатке валюты, когда имеются 5 хлебов для 5 тысяч, как мы можем расширять права? Мы можем расширять права в том случае, если удастся воздействовать на увеличение экспорта, т.-е. на получение актива в валюте. При том, что сейчас делается, было бы преступным расширять права для трестов. Как мы можем расширять права трестам сейчас, когда живем в ужасном финансовом положении? Как мы можем при том положении, когда все тресты ну-

ждаются в государственных деньгах, предоставлять им большую свободу? Этого ни в коем случае делать нельзя, ибо они перевернутся, обанкротятся. Разве наш текстильный синдикат, у которого колоссальный коэффициент вздорожания, разве он может распоряжаться средствами так, как хочет? Ни в коем случае, потому что мы—единое хозяйство. Это зарезало бы другие отрасли промышленности, нарушило бы пропорцию.

Говорить о правах рановато. Если мы собрались и говорим о системе управления, мы должны найти у себя собственные недочеты и что мы можем сделать своими средствами.

Когда я говорил о чрезмерном бюрократическом централизме, я имел в виду и тресты, и заводы. Я утверждаю, что цифры, которые дают нам тресты, раздуты, что они фантастичны. Та отчетность, которую мы собираем, есть фантастика, квалифицированное вранье. Дело в том, что у нас нет ответственности за цифры. Что значит ответственность за цифры? Это значит не то, что мы под суд отдадим ответственного работника за неправильные цифры, а просто мы доведем до общего сведения, что вот, имя рек, такой-то врал, обманул, надул. Мы должны это довести до сведения нашей общественности.

Мы не должны так жить, как сейчас живем. У нас система такова, что она поощряет эту фантастику. Почему трест за эти цифры, которые он дает, общественно неответственен? Потому, что он дает такие-то и такие-то цифры, а мы ему переделываем, а нам в Госплане переделывают. При этой системе выходит так, что ты можешь врать сколько угодно. Мы знаем наперед, что ты врешь, и я заранее допускаю, что даются цифры неправильные, какая же тут может быть ответственность!

Мы должны бороться с такой системой во что бы

то ни стало, но я не придумал никакого рецепта. Я ищу, товарищи. Я вижу, что эта задача очень сложная. Я побывал в Югостали, в ЮМТ'е, и, после того как я там побывал, я пришел к очень печальным заключениям. Нам нужно переделать нашу систему, нам нужно иные пути найти. Если я вас здесь собрал, то для того, чтобы мы совместно нашли какой-нибудь выход.

Что я вам предлагаю? Я предлагаю вам мои мысли для разрешения тех задач, которые сейчас стоят перед нами. Никто из вас не отрицает, что эти задачи стоят. Я говорю, что принцип, который мне кажется абсолютно верным, это—дружная семья и ответственность в том смысле, что каждый за свое дело несет известную ответственность. Как я себе мыслю технические пути проведения этой работы? Должна быть определенная связь, совершенно новая связь с трестами. Для того чтобы управлять каким-нибудь делом, каким-нибудь трестом, какой-нибудь отраслью, мы должны иметь определенные данные и определенные данные не по тресту, не эти проклятые средние, которые очень хороши для общих выводов, для планирования в широком масштабе, но никуда не годятся, когда нужно управлять, когда нужно дать конкретные указания о деятельности каждого треста. Нам нужно, чтобы тресты в определенные сроки присылали те данные, без которых мы не можем выполнить нашей работы. Эти данные нужны для работы, потому что без них мы не в состоянии управлять своим делом. Но за эти данные товарищи должны нести ответственность. Не должны нам присылать различных предположений в десятках пудов и т. д. У треста должна быть так поставлена работа, чтобы можно было проверить, если это нужно, у него на месте.

Какой смысл имеют такие фолианты? Ими можно только запутать дело. Ведь вот, когда был спор о производительности труда, когда начал тов. Струмилин рас-

считывать, и оказалась производительность труда выше довоенной, а зарплата ниже, то видно было сразу, что это чепуха. В статистике очень легко можно запутаться ученым людям. Они складывают, затем берут среднюю взвешенную, геометрически взвешенную, и если в основном были цифры неправильны, выводят чорт знает что. Ясно совершенно, что человека, который не знает, скорее надуют, а человек, который следит за всеми проявлениями жизни, сразу видит: ты тут надуваешь. Человек сведущий едет на место, и таким образом мы имеем живую связь, которая говорит, правильны или неправильны представленные данные. И если подтвердится, что представили неправильные данные, этих обманщиков нужно гнать вон. Вот вся ответственность, никакого суда не нужно в таком деле. Если человек не справляется с делом,—уходи, дай место другому.

Мне кажется, что если бы мы сказали каждому главку и управлению, без чего мы обойтись не можем, количество цифр и документов можно было бы сократить раз в тысячу.

Тут товарищи говорили, что для согласования требуется много времени. Это есть доказательство, что у нас механика согласования плохо поставлена, что у нас нет взаимного достаточного доверия, которое обязательно должно быть.

Согласование необходимо. Я—председатель Главметалла, а без отдела финансовой политики никак не могу управиться, никак не могу без него разрешить вопросы и входить с ходатайством в высшие органы. Как может быть Главметалл отделен от Сахаротреста, от Донугля и т. д.? Этого никак нельзя.

Одной из причин наших недочетов, хотя и косвенной, является то, что мы работаем со слишком большим напряжением, что мы работаем без всякого резерва. Те указания, которые были даны в циркуляре о составлении

промышленно-финансового плана, где уделено большое внимание роли резерва, имеют большое значение. Если бы наши тресты этим руководствовались и выдерживали бы эту линию, то нам гораздо легче было бы разрешить все те вопросы, которые сейчас являются столь трудными.

Я еще хотел успокоить наших товарищей из Цугпрома и других, которые указывают на опасность сношений председателя ВСНХ и вышестоящих инстанций непосредственно с товарищами, от которых их отгораживает несколько этажей. Я должен сказать следующее. Мы должны различать две линии связи—линию сношений и линию подчинения. Линия сношения должна быть такова, что вы можете сноситься с тем, с кем вы должны снестись в интересах дела. Не запрещайте делать этого и председателю ВСНХ. Вы говорите, что нельзя этого вводить в систему. Я говорю: я без вас решать не должен,—это дезорганизует, если устанавливается непосредственная линия подчинения. Линия подчинения должна остаться. Я не предлагаю спутать все линии подчинения, но если мне нужно получить справку или разработать вопрос, и я во избежание волокиты посылаю задание непосредственно тому, кто этим делом занимается, то здесь нет никакой спутанности. Я думаю, что когда бумага приходит на предприятие, регистратор или тот, кто этим ведает, должен послать бумагу тому, кто непосредственно этим делом занимается, но этот товарищ, который работает, должен докладывать своему начальнику и сказать: дай директиву. Так следует понимать то, что я говорил по этому вопросу.

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ ТОВ. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

в день его смерти, 20 июля с. г., на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б)

— Товарищи, я должен сказать, что в докладе т. Каменева и в дополнении к этому докладу т. Пятакова, я поражен в величайшей степени тем обстоятельством, что один из них, будучи наркомторгом... (Каменев: Я выступал докладчиком Политбюро), а другой заместителем председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, проявили полное незнание и незнакомство с теми вопросами, о которых они здесь трактовали. И в самом деле, возьмите выступление с этой трибуны народного комиссара торговли. Для того чтобы рассказать вам об опасностях частного капитала,—«кто кого», он читает вам из «Экономической Жизни» отчет о заседании Конъюнктурного института и о докладе тов. Кутлера. Мне кажется, что Народный комиссариат внешней и внутренней торговли—это тот аппарат и тот орган, созданный нами, который должен был в своей работе эти подсчеты иметь, подсчитать и дать нам совершенно определенную динамику. Но тов. Каменев вместо этого, приводя здесь в своем выступлении выдержку из статьи в «Экономической Жизни», обнаружил свое полное незнание и непонимание этого вопроса.

В самом деле, что здесь говорится? Здесь говорится, что собственные капиталы частников составляют 426 млн. рублей, а, вместе с тем, их прибыль составляет 400 млн. руб. Какая именно прибыль, т. Каменев? Прибыль валовая, которая является и заработной платой, и содержанием всех частников. Если мы возьмем количество частных торговцев, о которых идет речь,—а цифра эта выражается в сотнях тысяч заведений,—если помножим сотни тысяч заведений на количество членов семей, то от той колоссальнейшей прибыли, с которой т. Каменев сделал скидку на половину (он сам говорит, что эта статистика совершенно никуда не годна), остается пустяковое, ничтожное накопление. Тов. Каменев совершенно не понял цифр, приведенных в докладе Кутлера, а т. Пятаков, которому, как заместителю председателя ВСНХ, нужно было бы это знать, говорил здесь о чистой прибыли, пользуясь совершенно неверными методами подсчета.

Я вам расскажу, что это за методы подсчета. Я оглашу документ, который был составлен по моему требованию, ибо я непосредственно занимаюсь торговой политикой; я воевал за упорядочение торговли с кооперацией, я воевал с Наркомторгом, я за этим слежу и наблюдаю. Не разобравшись в той записке, которая попала к т. Пятакову, он бухнул ее с этой трибуны. Я говорю о 46 процентах и 11 процентах. Подумайте только, если бы накопление в год возможно было в сумме 600 млн. руб.,—какие же колоссальные капиталы были бы в частных руках? Если бы чистое накопление составляло 600 млн. руб., как говорил здесь т. Пятаков, то разве Кутлер мог бы говорить о том, что частники имеют прибыль в 400 млн. рублей? Разве можно было бы говорить, что собственных капиталов частники имеют 426 млн.? Надо же связывать в этом вопросе концы с концами. Мы вовсе не бедны данными по вопросу

роста и динамики частного капитала. Политбюро назначило меня председателем комиссии, и мне приходится по этому титулу заниматься этими данными.

Какова же та таблица, на которую ссылался т. Пятаков? «В прошлом году по семи товарам: текстильной, металлической, нефтяной, сахарной, соляной, химической и табачной отраслям промышленности частниками было продано в среднем 46 процентов из всего того количества, которое было продано в розницу». Эти 46 процентов, тов. Пятаков, к вашему сведению, составляли не два ваших фантастических миллиарда, а всего 940 млн. рублей. Из общей товарной массы, идущей в розницу, в два миллиарда частник продал на 940 млн. рублей. Вот основные данные.

Пятаков (с места). Я вовсе говорил не об этом.

Дзержинский. Вы говорили об этих 46 процентах и 11 процентах распределения в плановом порядке.

Пятаков (с места). Я говорил о других данных, а не об этих.

Дзержинский. Нет, именно об этих данных. Извольте мне представить те другие данные, если вы говорили о других. Вы говорили, что в плановом порядке вы снабжаете 11 процентов, а частник имеет всего 46 проц. Это и есть тот же документ.

Теперь об оптовых ценах. И здесь то же невежество и незнание; оптовые цены снижены были нами не на 37 проц., как утверждал Пятаков, а на 27 процентов. Какова же была накидка на оптовые цены? Накидки по этим изделиям были совершенно иные, не те, о которых говорит тов. Пятаков, ибо накидка в 62 проц. относится не к прошлому году, а только к самому последнему времени,—она относится к тому времени, когда мы частника, из-за недостаточности товаров, зажали в бараний рог, когда он должен был переплачивать, когда он должен был нанимать безработных,

ставить их в хвосты, оплачивать их, когда он должен был окупать всю бесхозяйственность в наших торговых организациях. Я вам назову все индексы, которые были в прошлом году в частной торговле на предмет первой необходимости. На 1 октября 1923 года, когда наши оптовые цены были очень высоки, накидка в частной торговле была только 8 проц.; на 1 октября 1924 года она составляла уже 40 проц. в частной торговле; на 1 октября 1925 г. она составляла 51 проц. Где же эти 62 процента? Затем идет по порядку, по месяцам: 54 проц., 58, 56, 56, 57, 62 проц.

Пятаков (с места). Я говорю в среднем 60 проц.

Дзержинский. Тов. Пятаков свое невежество уже обнаружил и поэтому ему позволительно кричать.

Троцкий (с места). А вы всегда пользовались молчанием, тов. Дзержинский?

Дзержинский. Я думаю следующее. Вы—свидетели уже не один день, как меньшинство желает вывести из равновесия большинство, и я не буду на такие реплики обращать внимания, ибо чем мы больше обращаем внимания на эти выходки, тем больше мы этим даем возможность оппозиции нашу деловую работу дезорганизовывать.

Голоса. Верно!

Дзержинский. Вот какие накидки были на вольном рынке. На апрель мы имеем: по ситцу—74 проц., гвоздям—83 проц., керосину—26 проц., галошам—41 пр., сахару—7 проц., подсолнечному маслу—41 проц., махорке—31 процент, спичкам—22 проц. Это—на вольном рынке. Какие же накидки были у нас в нашей кооперативной системе? По данным Центросоюза, на 1 марта: по ситцу—36 проц., при чем 36 проц. не от отпускной фабричной цены, а от цены Центросоюза; следовательно, если бы считать от наших отпускных фабричных цен, то процент был бы выше. По ниткам—38 проц., га-

лошам—32 проц., железу—42 проц. и т. д., и т. д. Вот видите, что разница между частными и нашими кооперативными торговыми организациями не является такой огромной, такой колоссальной, что она могла бы свидетельствовать о том, какое огромнейшее, колоссальнейшее накопление происходит в частных руках. Надо сказать следующее, что область, в которой народным комиссаром состоит тов. Каменев, является больше всего неупорядоченной, больше всего поглощающей наш национальный доход. При чем тут развитие нашей промышленности? Тов. Пятаков предлагает, со свойственной ему энергией, все средства, откуда бы они ни шли, гнать в основной капитал. Но именно такая постановка,—разве она не есть сдача позиции частному капиталу? Если мы в наших промышленных и торговых организациях изымем и обратим оборотные средства на основной капитал, ясно, что частник на рынке сможет овладеть процессом обращения. Если мы желаем вести борьбу с частным накоплением, с частной торговлей, то какие мероприятия должны быть приняты нашей партией и Политбюро? Урегулирование взаимоотношений кооперации с промышленностью, укрепление всеми силами кооперации, но не теми методами, чтобы покрывать ее недостатки,—я являюсь величайшим врагом таких методов, как являюсь врагом того метода, который предлагает тов. Пятаков по отношению к промышленности,—представлять дело так, что у промышленности все благополучно, а только давайте побольше деньжат. Также необходимо упорядочение нашей кооперативной торговли, осуществление постановлений в отношении ее XIII съезда и упорядочение регулирования по отношению частного капитала, частных торговцев. Это даст нам возможность частное накопление приостановить и усмотреть, в какой области частный капитал усиливается и растет. Если говорят вообще

о его росте, это неправильно, но есть участки, на которых он растет и развивается. Это именно те участки, которыми владеет тов. Каменев, участки заготовок среди крестьянства.

Голос. Скажите про оптовую.

Дзержинский. Что касается оптовой торговли, то ВСНХ, при помощи своих синдикатов, из оптовой торговли частника так выжил, что он там играет незначительную роль. А где частник силен? В хлебозаготовках, в заготовках кожи, т.-е. в той области, которая находится в ведении тов. Каменева. А он приходит сюда и плачет, что все у нас скверно: мужик богатеет, благосостояние у него увеличивается. А тов. Пятаков говорит, что деревня богатеет. Вот несчастье! Наши государственные деятели, представители промышленности и торговли проливают слезы о благосостоянии мужика. А какое благосостояние: 400 млн. мужики накопили, по 4 рубля на брата. (Смех, голоса: Еще меньше.)

Тов. Пятаков говорит: деревня нас обгоняет. Если сравнить цифры нашего развития, то мы имеем в промышленности рост в последние 2 года в 60 проц. и 40 проц. А каков процент роста сельского хозяйства? Когда тов. Каменев приводит данные: «Смотрите, на 2½ млрд. товаров мужик получил в прошлом году, а теперь ему дают на 3.600 млн. руб.», я спрашиваю, по каким это ценам? По розничным. А что значат розничные цены для мужика? Разве неизвестно вам, тов. Каменев, какое отношение между продажными ценами мужика и теми ценами, по которым мужик получает промышленные изделия? Разве наше внимание не должно быть обращено на эту сторону? В чем тут вопрос, в чем дело? И тут выступает на смену программа т. Пятакова, бессмысленная, антисоветская, антирабочая программа за повышение отпускных цен. Это —

ликвидация нашей борьбы за снижение розничных цен. Он совершенно отбрасывает то, о чем сам раньше говорил, что мы в СССР являемся передовым социалистическим отрядом, должны равняться по заграничным коэффициентам цен, качества и т. д., иначе нас будут бить. Тов. Пятаков забыл об этом, забыл о том несчастье, которое сопутствует нашему развитию, о том несчастье, что у нас не упорядочено дело снижения цен.

Жаль, что тов. Каменев нам не рассказал, почему у нас хлеб есть, а экспорта нет. Почему это так? Именно потому, что у нас слишком высокие цены,— вот почему его нет. Потому что нет никакого интереса за границу его посылать. Почему тов. Каменев здесь нам не расскажет и не рассказал, какие бешеные, сумасшедшие накладные расходы в наших заготовительных аппаратах по заготовке хлеба? Почему он не рассказал нам о том, что эти высокие цены, которые мы имеем, определяются не тем, что у нас большое накопление в торговле и промышленности, а тем, что мы ведем наше хозяйство страшнейшим образом бесхозяйственно? К примеру, из практики т. Пятакова. У нас, как вы знаете, пятилетние планы вырабатываются по различным отраслям народного хозяйства. Между прочим, с одним из них мне пришлось ближе познакомиться. Это план относительно резиновой промышленности. По этому плану предполагалось, что мы в шинном и галошном производстве сможем достигнуть известного уровня лишь только в 1930 г., а так как потребность к тому времени будет гораздо больше технических возможностей действующих заводов, то нам нужно строить в Ярославле новую фабрику, на которую нужно будет потратить 42 млн. руб. Больше двух миллионов рублей уже издержано на заготовку всяких материалов и т. д. Я говорю о той

бесхозяйственности, за которую я отвечаю. (Пятаков подает реплику, но ее за общим шумом не слышно.) Вы сами ошибались, но я за ВСНХ отвечаю и за вас. Поэтому я не отказываюсь от наших промахов, и поэтому оказалось, что то, чего мы думали достигнуть по пятилетней программе, мы сейчас уже достигли без всякой постройки новой фабрики, и те улучшения, которые могут быть произведены сейчас, могут дать колоссальнейший прирост нашего производства во всех отношениях.

Я скажу и еще одно, так как т. Пятаков говорил, что я говорю из его области,—я скажу из своей области, где я являюсь председателем непосредственно,—из Главметалла. По Главметаллу в этом году мы засадили напрасно 45 млн. руб., как это сейчас выявляется. На всякие полуфабрикаты, на всякие запасы, которые не отвечали программе, мы засадили до 45 млн. руб.

А если вы посмотрите на весь наш аппарат, если вы посмотрите на всю нашу систему управления, если вы посмотрите на наш неслыханный бюрократизм, на нашу неслыханную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас. Я не раз приходил к председателю СТО и Совнаркома и говорил: дайте мне отставку или передайте мне Наркомторг, или передайте мне из Госбанка кое-что, или передайте мне то и другое, потому что столько согласований, что нельзя решать вопроса, нельзя так работать. Мы подняли кампанию за снижение розничных цен.

Председатель. Время истекло. Сколько еще нужно?

Дзержинский. 10—15 минут.

Голоса с мест. Без ограничения времени.

Дзержинский. Товарищи, когда спрашивают, «кто кого», и когда спрашивают, за чей счет,—пусть смотрит наш Наркомторг, чтобы богател такой человек, который

нам нужен, пусть с этой трибуны не говорит, что деревня вообще богатеет.

Каменев. Чтобы Дзержинский не засаживал 45 млн. рублей напрасно.

Дзержинский. Для того, чтобы Дзержинский не засаживал 45 млн. рублей напрасно. Да, да.

Каменев. Вы 4 года нарком, а я только несколько месяцев.

Дзержинский. А вы будете 44 года, и никуда не годны (смех), потому что вы занимаетесь политиканством, а не работой. А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя, тов. Каменев, никогда. (Голоса с мест: Правильно!) И поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них. Мне одному справиться трудно, поэтому я прошу у вас помощи, и я уверен глубочайшим образом, что если бы Наркомторг был в одном комиссариате с нами, мы гораздо скорей двинули бы дело снижения розничных цен и улучшения аппарата.

Вот, да, Политбюро знает, не сомневается, что Наркомторг для защиты крестьянства создан. Как же, для защиты крестьян. А кто ведет политику снижения цен? Кто говорит,—не нужно цены повышать? К чести ВСНХ нужно сказать, что он все время проводил и на своих плечах вынес директиву снижения цен, к чести его нужно сказать, он вынес эту директиву, а к чести т. Пятакова, что он выполнять эту директиву нам не мешал. (Петровский: Только всего?—и за это спасибо.) Если говорить о накоплении,—нужно сказать, за чей счет оно производилось. Тов. Каменев приводил цифры распределения товаров между городом и деревней, да он забыл об одном: что деревня была нищая, что в ней было

в значительной степени натуральное хозяйство, а теперь товарность ее растет изо дня в день, и поэтому специализируется работа; технические культуры все больше и больше растут, все больше растет и товарооборот города с деревней. Поэтому я скажу: надо страну индустриализировать, а этого не будет, если не будем получать все в большей и большей степени продуктов сельского хозяйства. Почему? Потому что нам нужно из деревни сырье, нам нужен хлеб, нам нужна кожа, нам нужна картошка, шерсть, нам нужно деревенское сырье. Нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни. Я спрашиваю: что значит богатение деревни по сравнению с тем развитием, которое получает наша промышленность в отношении удовлетворения нужд рабочих? Весь фонд заработной платы в крупной государственной промышленности, т.-е. фонд, обнимавший не всех рабочих, а только 1.420.000 чел. в октябре 1924 года, а на первое апреля 1926 г.—1.904.000 человек, возрос с октября 1924 г. по апрель 1926 г. с 59 млн. до 104 млн. в месяц, т.-е. почти вдвое. Как тут можно сравнивать город с деревней? Я прямо не знаю, как назвать такое отношение. Если взять рост заработной платы на одного человека, то в октябре 1924 года она была 1 руб. 69 коп. в среднем по всей промышленности, в марте этого года—2 р. 38 к. в день. Металлическая промышленность—1 руб. 87 коп., в марте—2 руб. 78 коп., текстильная промышленность—1 руб. 46 к.—2 руб. 01 коп., химическая промышленность—1 руб. 40 коп.—2 руб. 40 коп. и т. д.

Из всего сказанного вы видите, как росла зарплата рабочих, но так как Наркомторг плохо работал, так как он недостаточно обуздывает частный капитал, те жертвы, которые несла промышленность, не полностью отражались на увеличении бюджета рабочего, так как уменьшалась покупательная спо-

собность денег, которые промышленность рабочему давала вследствие роста розничных цен.

И поэтому, если вы посмотрите график, как росла реальная заработная плата, то увидите, что благодаря этим высоким розничным ценам, т.-е. благодаря неупорядочению нашей торговли, заработная плата за 5 месяцев реально фактически несколько понижалась. Вот поэтому вместо того, чтобы заниматься разговорами о зарплате вообще, надо заняться снижением розничных цен. Но когда мы вносим предложение относительно обуздания частного капитала, Наркомторг отмахивается. Он боится, как бы тут нэп не нарушить, чтобы чего не испортить. (Реплика Пятакова, которую не слышно.) Тов. Пятаков, если хотите, я могу огласить документы, хотя у меня времени мало. Я знаю, вы бы этого не сделали. (Смирнов: Он хитрее.) Я знаю, что Наркомторг—это есть Каменев. Что он хитрее, я знаю, а, во-вторых, тов. Каменев и туда и сюда. Если взять, как он работает, то он не работает как следует быть, а и туда и сюда. В этом заключается его слабость. Что мы предлагаем по отношению к частнику? Мы говорим: для того чтобы снизить розничные цены нашего частника, мы должны давать ему товар только в плановом порядке, только по договору: «не имеешь права больше 20 проц. накидки делать». И мы прибавляем, к сведению тов. Пятакова, что еще десять-пятнадцать процентов на частника надо набросить в пользу государства. Если мы даем ему на определенную сумму, он должен известный процент подать за то, что мы ему наш товар, государственный товар даем. Спросите-ка наркомторга, как он к этому относится. (Тов. Пятаков, которого не слышно.) Ничего подобного. Что он махает руками? Надо уметь вносить предложения, а не демагогией заниматься. Мы внесли в Политбюро, мы внесли в СТО совершенно реальные и кон-

кретные предложения. Кем они были отвергнуты? Вот, возглавляющим учреждение Наркомторг. И канителят нас, и канителят нас без конца. Что мы дальше предлагаем? Мы предлагаем дальше репрессивные меры против спекулянтов. Тогда Наркомторг говорит: опасно нэп отменять.

Каменев. Кто это?

Дзержинский. Ваш заместитель. Тов. Фигатнер был при этих наших спорах.

Каменев. А я был?

Дзержинский. Что касается вас, то я думаю, что вы вообще очень часто не бываете.

Ворошилов. Занят литературным творчеством.

Дзержинский. Разрешите мне в нескольких словах перейти к той области, которая тов. Пятакову должна быть более известна и которую он, к сожалению, безбожно перепутал здесь. Вы помните, когда тов. Каменев говорил относительно того, что мы в будущем году расширяемся на 15—16 проц., то тов. Пятаков подсказал, что в области предметов широкого потребления на 11 проц. только.

Пятаков. Это неверно.

Дзержинский. А как вы сказали?

Пятаков. По отношению к отраслям промышленности, работающим на широкое потребление.

Дзержинский. Верно. Я могу сказать, как вы сказали. Но вы запутались. К сожалению, тов. Пятаков вчера ушел с нашего заседания президиума, когда происходило рассмотрение контрольных цифр, и когда мне было доложено на президиуме вчера утром, что тяжелая индустрия увеличивается на 24, даже на 25 проц., а легкая всего только на 11 проц., я сказал: явная несуразица— при увеличивающейся товарности крестьянского хозяйства, при росте заработной платы говорить, что мы мо-

жем ограничиться только 11 проц. увеличения предметов широкого потребления. Говорить при этом, что мы ни копейки на ввоз готовых изделий из-за границы в нашей программе дать не можем,—это значит предлагать неосуществимую, неверную программу. Ибо это означает срыв нашего червонца, а срыв червонца означает срыв заработной платы. Тогда мне все работники, которые для тов. Пятакова подрабатывали этот вопрос, сказали: «Не бойтесь, мы взяли подразделение искусственное, взяли такую так называемую тяжелую индустрию». Что такое тяжелая индустрия? Весь металл, вся электротехника, вся нефть, все топливо—это тяжелая индустрия, а остальное—легкая, и тогда так называемая легкая индустрия и тяжелая индустрия такой процент дают. Но вы ведь знаете, металлопромышленность работает на широкий рынок, сельскохозяйственные машины—на широкий рынок. А керосин в деревню не идет? Что там—лучину жгут, что ли? А лампочка электрическая в деревню не идет? Я спрашиваю, а как тогда будет? Мне ответили, что если взять эти цифры, то получается такой рост, что в прошлом году и в будущем году будет процент взаимоотношений один и тот же, т.-е. что в одинаковой степени увеличивается внутреннее производство только для промышленности, транспорта и строительства и одинаково для широкого рынка. Поэтому пусть вас не пугает эта цифра, тов. Каменев. Мы исправили вчера же на заседании президиума ошибку тов. Пятакова и в другом отношении. Вы помните, он здесь выступал с речью о том, чтобы не сокращать текстильных рабочих. Но кто составлял текстильную программу так, что надо было 49 тысяч рабочих уволить? Программа была составлена по указанию Пятакова.

Пятаков. У меня директива была обратная—не сокращать.

Дзержинский. Видите ли, вы занимаетесь собесовской точкой зрения: нанимать лишних рабочих и их не увольнять. Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности. Я думаю, что мы не можем пойти на то, чтобы рабочие текстили и наши ткацкие станки бездействовали при ужасающем товарном голоде. Нам придется пересмотреть, тов. Пятаков, импортную программу и купить за границей дополнительно миллион пудов хлопка.

Пятаков. Что я и предложил.

Дзержинский. Но чего вы не говорили. Достаточно было моего присутствия на президиуме, чтобы эту ошибку исправить. И мы исправили ошибку. (Реплика Троцкого не уловлена.) Конечно все хорошее исходит только от последователей тов. Троцкого, а все дурное исходит от того, кто с ним не соглашается.

Тов. Пятаков говорит: «Я указывал на нашу бесхозяйственность, на те резервы, которые имеются в торговом нашем аппарате и в производственном нашем аппарате». Но тов. Пятаков все зарится на бюджет. Я спрашиваю, армию надо сократить? Армию сокращать нельзя, а армию и расходы на армию надо сейчас увеличивать.

Голоса. Правильно!

Каменев. А Военпром? Что вы сделали с Военпромом?

Дзержинский. Тов. Каменев, видите ли, какая есть разница между мною и вами: что вы всю беду взваливаете на лицо, которое возглавляет, а я этого не делаю. (Реплика Бакаева не уловлена.) Пожалуйста, тов. Бакаев, расскажите вы нам о вашем хозяйствовании. Я на ваши пустяки не отвечаю. Меня на эту работу назначил Центральный Комитет партии, и поэтому я ваше замечание отметаю.

Что еще сокращать в бюджете? Расходы на образование? Тов. Пятаков, может быть, вам скажет, как наша промышленность задыхается от недостатка культурности, от недостатка квалификации. Мы не можем сократить этих расходов. Мы должны и можем сократить чисто административные расходы нашего аппарата, и Совет Труда и Обороны принял постановление о сокращении этих аппаратных расходов. Тов. Пятаков дальше говорит: зачем это вы нас дергаете? В конечном счете вы даете средства, зачем дергаете? Я целиком к голосу тов. Пятакова присоединяюсь. Действительно, когда мало средств, когда наши хозяйственники предъявляют требования преувеличенные, когда средств мало, то получается сплошная мука. То, что переживаем мы в области кредита, в области средств, я утверждаю, раз мы пошли на путь индустриализации, раз взяли тот темп, который имеем,—это неизбежно, но не надо здесь преувеличивать и преуменьшать. Тов. Пятаков сказал, что мы требовали в третьем квартале, чтобы от нас не отнимали и нам ничего не давали. Надо сказать, мы требовали не это. Мы требовали увеличения на 81 миллион. Тогда нам не дали этих 81 миллиона, а Шейнман, там сидящий, предлагал кредитование сократить на 45 миллионов а мы требовали его увеличения на 81 миллион; в конце концов нам отказали и приняли точку зрения Госбанка, действительно, тогда увеличивать кредитование нельзя было. Когда же увеличение кредитования стало возможным и особенно необходимым, тогда нам эти средства дали. Поэтому вы видите, что именно все те данные и все те доводы, которые здесь приводила наша оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той творческой работе, которую Политбюро и пленум ведут. (Аплодисменты.)

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Ф. Дзержинский и его последняя речь. В. Молотов 5

ТРИ РЕЧИ.

Труд и зарплата в промышленности 11

На борьбу с болезнями управленческого аппарата 29

Последняя речь 47

20 коп./к

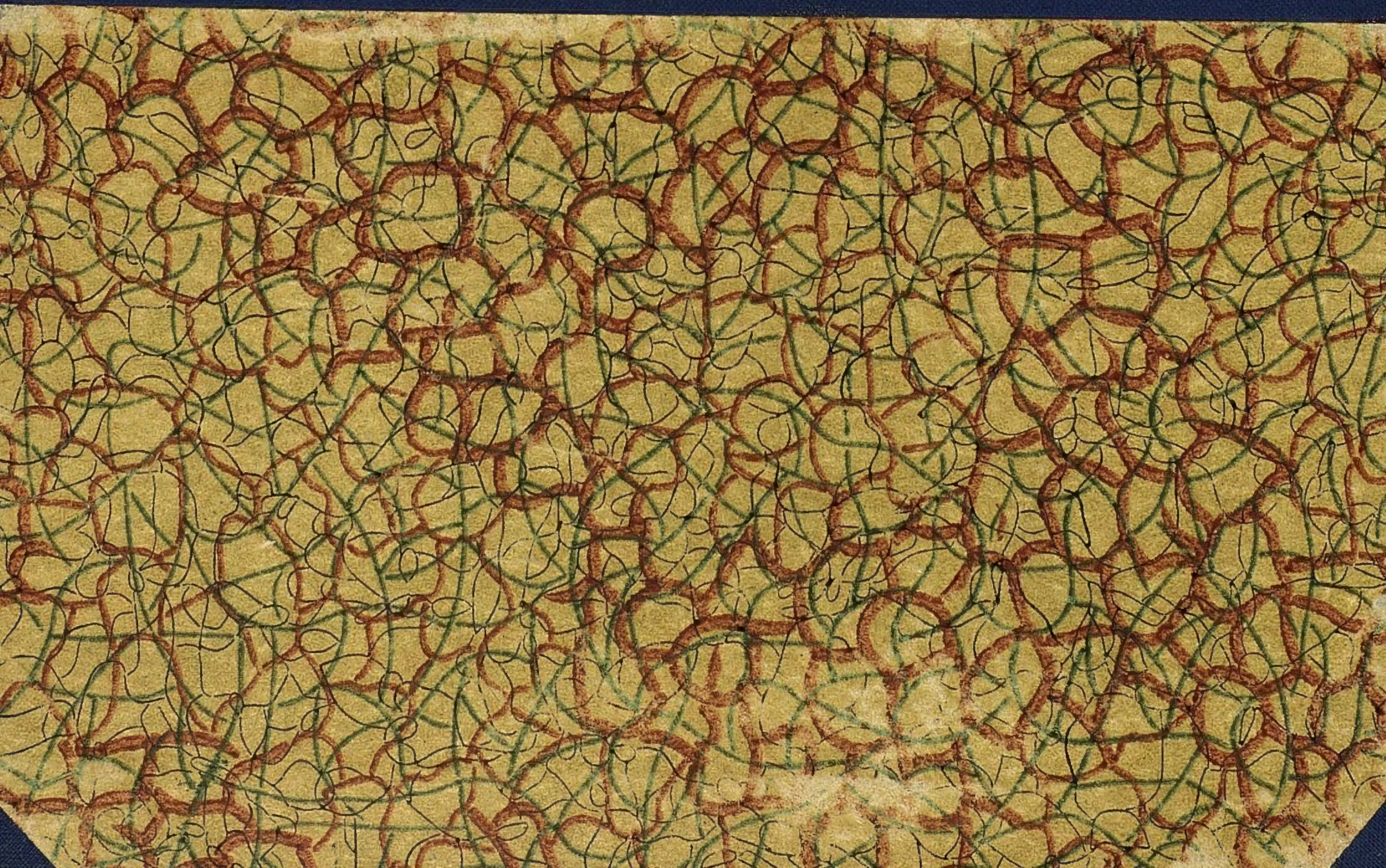
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ
О ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ СССР
Доклад на XXIII Чрезвычайной Ленинградской Губернской Конференции ВКП (б).
Стр. 52. Ц. 20 к.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ
ПРОМЫШЛЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ СССР
Доклад на пленуме ВЦСПС 9/II — 1926 г.
Стр. 32. Ц. 15 к.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ
МЕТАЛЛОПРОМЫШЛЕННОСТЬ в 1925 году
Доклад на XIV конференции РКП (б) 29 апреля 1925 г.
Стр. 47. Ц. 30 к.

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ
АВТОБИОГРАФИЯ
и статьи Н. Бухарина и Л. Ганецкого
Стр. 32. Воззвания ЦК ВКП(б), Коминтерна и др. Ц. 10 к.

СТРАЖ ОКТЯБРЯ
Сборник, посвященный памяти
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО
В сборнике помещены статьи т. т. Рыкова, Петерса, Халатова, Савельева и Радека.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
в Торговый Сектор Госиздата РСФСР. Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4, тел. 1-91-43, 3-71-37 и 5-04-56; Ленинград, „Дом Книги". проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18, и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР.